

САНКЦИОННАЯ ГЕОПОЛИТИКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОПОРТУНИЗМА

Останин В. А.¹

¹ *Российская таможенная академия, Владивостокский филиал, г. Владивосток, Россия; ostaninva@yandex.ru*

Международное разделение производства сформировало одновременно объективные предпосылки для углубления международного производственного кооперирования и формирования международных интеграционных объединений. Это способствовало росту эффективности производства как в отдельных национальных экономиках, так и мировой экономической системе в целом. Данное явление одновременно может быть рассмотрено в концепции нарастания процесса глобализации, либерализации мирового рынка, что в теории политического либерализма предполагало наличие экономической, политической свободы, доступности к мировым материальным, трудовым, финансовым ресурсам и их свободному перемещению в границах единой мировой экономики. Следствием этих процессов глобализации стали частичная потеря суверенитета стран, господство наднациональных норм регулирования экономики и социальных отношений. В рамках единого формирующегося экономического пространства доминирующие игроки получили возможность извлекать большую долю дохода при распределении мирового продукта. При этом инструментами доминирования к другим членам экономического сообщества, например, членам ВТО, стали применяться экономические санкции. Санкционная политика может рассматриваться как инструмент оппортунистического поведения доминирующих игроков, что позволяет последним получать дополнительный оппортунистический доход. Делается вывод, что политика санкций одновременно не только нарушает фундаментальные принципы равноправной мировой торговли, но и обостряет противоречия внутри мировой экономической системы.

Ключевые слова: Экономические санкции, санкционная политика, глобальные интеграционные объединения, региональные интеграционные объединения, политический либерализм, оппортунизм, оппортунистический доход, глобализация, интеграция, региональная интеграция, конкурентные преимущества.

SANCTIONS GEOPOLITICS AS A MANIFESTATION OF OPPORTUNISM

Ostanin V.A.¹

¹ *Russian Customs Academy, Vladivostok Branch, Vladivostok, Russia. (ostaninva@yandex.ru)*

The international division of production at the same time formed objective prerequisites for deepening international production cooperation and the formation of international integration associations. This contributed to the growth of production efficiency both in individual national economies and in the world economic system as a whole. This phenomenon can be simultaneously considered in the concept of the growth of the globalization process, the liberalization of the world market, which in the theory of political liberalism assumed the existence of economic, political freedom, access to the world's material, labor, financial resources and their free movement within the boundaries of a single world economy. The consequence of these processes of globalization was the partial loss of the sovereignty of countries, the dominance of supranational norms for regulating the economy and social relations. Within the framework of a single emerging economic space, the dominant players were able to extract a large share of the income in the distribution of the world product. At the same time, economic sanctions began to be applied to other members of the economic community, for example, WTO members, as instruments of domination. The sanctions policy can be seen as a tool for the opportunistic behavior of dominant players, which allows the latter to receive additional opportunistic income. It is concluded that the policy of sanctions at the same time not only violates the fundamental principles of equitable world trade, but also exacerbates the contradictions within the world economic system.

Key words: Economic sanctions, sanctions policy, global integration associations, regional integration associations, political liberalism, opportunism, opportunistic income, globalization, integration, regional integration, competitive advantages.

Введение. Постановка научной проблемы. Проблема глобализации, как и её антипода – антиглобализации, её роли, места в современной мировой экономике получила своё дальнейшее научное осмысление в последние тридцать-сорок лет. Можно предположить, что некоторым начальным периодом этого осмысления стало окончание «холодной войны», по итогам которой мир раскололся на два противоположных лагеря. Но уже с 90 годов глобализация начинает развиваться уже в границах концепции политического либерализма. Согласно этой концепции идеи всеобщности рыночных отношений, западные нормы и ценности свободного рынка, экономической, политической свободы, что составляет суть политического либерализма, начинают активно продвигаться и распространяться на остальной мир.

Международное разделение труда и производства формировало объективно тенденцию углубления не только международной кооперации, но и углубления международного производственного кооперирования, что проявилось в увеличенных темпах роста мировой торговли. По сути это объективное требование эпохи сформировало предпосылки формирования международных интеграционных процессов и международных институтов, например, ВТО, НАФТА, АСЕАН, Евросоюз, СНГ, Андское сообщество, ОПЭК, в дальнейшем ШОС, БРИКС и т.д. Всего в настоящее время заявили о себе более двухсот региональных интегративных объединений. Следует отметить, что глобализация объективно способствовала росту в большей или меньшей степени эффективности национальных экономик, однако проблема эквивалентного обмена в мировой торговле возникала постоянно. Ключевое положение либерализации – свобода и справедливость обмена ресурсами на мировых рынках – с самого начала присутствовала скорее, как закон, а не как исключение, т.е. случайность.

Метод исследования. Глобализация будет понята более адекватно своей природе тогда, когда она будет рассматриваться одновременно как процесс формирования и становления единого мирового хозяйства с развивающимися мирохозяйственными производственными связями, становлением мирового финансового рынка, всеобъемлющей информатизацией, широкой доступности информации, развитием современных видов транспорта, когда жители тесно связаны между собой и каждый знает о других членах мирового сообщества. Здесь вполне уместно провести некоторую аналогию с формированием мира как «глобальной деревни», по меткому выражению лидера Китая Си Цзиньпина.

Доказательства тезиса. С нарастанием процессов глобализации национальные экономики все в той же мере трансформировались в частичную экономику, утрачивая признаки

целостности своего национального производства. Степень производственной зависимости от остального мира-экономики возростал. Этот фактор проявлялся во взаимосвязях с ростом эффективности производства, ростом национального дохода от масштабирования производства, от эффекта международного разделения труда на основе углубления международного кооперирования и международной специализации. Следовательно, процесс становления единого мирового хозяйства на основе углубления мирохозяйственного производственного кооперирования есть один из признаков глобализации. Из этого следует, что глобализация есть современная фаза интернационализации. Эти признаки уже можно обнаружить с эпохи Великих географических открытий. [1, с. 12] Вместе с тем, имеет место и иной научный взгляд на глобализацию. Так, глобализация уже проявляла свои признаки с царства Шумер, древних индийских и китайских цивилизаций, позже с Римской империи. Полагаем, что признаки рудиментов можно обнаружить и в этих эпохах глобализации, однако здесь следует вести речь скорее о регионализации, т.е. региональной интеграции (*integr* -- лат. *целый*), о формировании отдельных миров-экономик, по Ф. Броделю.

Процесс глобализации включает в себя одновременно и процесс политической интеграции, когда для защиты интересов отдельных групп влияния формируются политические союзы и объединения, в том числе, и формирование мировой политической системы. Современная мировая политическая система есть результат противоречивого исторического развития средневековых полисов в мощные политические интеграционные объединения. Эти объединения приобрели более мощный политический потенциал. Однако в любом интеграционном объединении, организации начинают доминировать интересы всеобщности. Любое государство, которое входит в межгосударственное политическое объединение становится частью этого целого, что по сути есть утрата национального политического и экономического суверенитета.

Однако в любом современном интеграционном экономическом, политическом объединении, организации при декларировании общего равенства есть некоторые члены интегрального сообщества, которым принадлежит потенциал доминирования в реализации своих частных интересов, как правило отдельных транснациональных корпораций (ТНК), отдельных государств. Это неравенство объясняется уже не столько отсутствием достаточной информации о намерении отдельных членов экономического сообщества, сколько на различиях в экономической, политической мощи. [2, 3] В результате в границах некоторого декларированного единения с равными правами разворачиваются внутрисистемные конфликты и противоречия. Здесь достижение компромисса есть также

результат конкурентной борьбы за производимый в мировом интеграционном объединении мировой продукт.

В результате глобализация несет в себе как шансы, так и риски, которые распределяются неравномерно среди членов глобализирующегося мирового сообщества. По сути этого явления здесь обнаруживаются моменты глобальной конкуренции, но уже в границах самого интеграционного сообщества. Интеграция ранее обособленных экономических организаций, национальных экономик позволяет усиливать суммарный системный эффект. Сумма входящих в неё частей меньше суммы целого, т.е. уже интегративного целого.

Природа этого феномена лежит в извлечении блага из внутрисистемных взаимосвязей, позволяющих задействовать, переводить из состояния возможности получения искомого блага в состояние действительности, т.е. пользования. При этом следует одновременно отметить, что это интегративное объединение организовано на принципах, которые не свидетельствуют об ущемлении интересов, входящих в это интегративное целое. Если же какой-либо элемент, часть начинает доминировать над остальными и трансформировать отношения внутри целого для извлечения своих частных интересов, подавляя и ущемляя интересы других членов интегративного сообщества, то тем самым формируется почва, основания для оппортунистического поведения.

Противодействие же оппортунизму со стороны оставшихся групп интегративного сообщества связано с затратами ресурсов, что уже снижает системный положительный эффект от интеграции.

Вторая форма отрицательного эффекта оппортунистического поведения доминирующих игроков, сводится к злоупотреблению доверием, прямым обманам контрагентов за счёт фактора асимметричности информации среди участников. Природа оппортунизма лежит в следовании своим интересам, в том числе, обманным путём, включая сюда такие формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими. Намного чаще оппортунизм подразумевает более тонкие формы обмана, которые могут принимать активную или пассивную форму, проявляясь *ex ante* и *ex post*. [4]

Современная практика проявления оппортунизма в международных интегральных объединениях дает основания для выдвижения принципиально новой модели извлечения оппортунистического дохода за счет фактора преобладания экономической мощи доминирующего игрока. Принцип эквивалентности обмена нарушается тем, что наиболее слабый в экономическом отношении контрагент вынужден принимать правила и пропорции обмена за счет отсутствия у него иной возможности противостоять более сильному. Это

можно наблюдать в современной практике организации трансакций на рынке энергоресурсов, например, газа, нефти, зерна, вооружений. Покупатель здесь противопоставлен мощи производителя, обладающего правами на специфические ресурсы. В результате модель получения прибыли трансформируется в модель получения ренты. Последнее позволяет относить эти рентные доходы к доходам, которые не соответствуют принципам эквивалентности, т.е. справедливости. Предельная форма такой модели оппортунистического поведения может приобретать черты, признаки силового принуждения при изъятии богатства у более слабого, или побежденного в конкурентном противостоянии, либо изъятий в форме военной контрибуций.

Наиболее же часто встречающаяся модель «мягкого» неэквивалентного изъятия незаработанного дохода в сфере распределения осуществляется за счет фактора несовершенства, неполноты информированности контрагента. Это явление достаточно известно по работам Дж. Акерлофа, посвященным рынку «лимонов». [4] Эта асимметричность информации ведет к нарушению эквивалентности обмена, к нарушениям принципа максимизации интересов отдельных контрагентов, что считается аксиомой со времен Аристотеля.

Если со стороны контрагента, теряющего или упускающего свои полученные на ранних этапах доходы, это есть результат отрицательный, то извлекающий оппортунистический доход контрагент находит свое теоретическое обоснование в естественности этого процесса, например, в следовании модели Парето-эффективности. В результате формируется конфликтная ситуация, которая в дальнейшем может приводить к обострению противоречий и разрешению конфликта. Последнее может принимать формы частичного разрешения противоречия, когда конфликтная модель трансформируется в конфликтно-компромиссную модель, либо может происходить разрушение всего института прежнего товарообмена.

Политика санкционного давления на экономики стран-конкурентов на мировых товарных рынках, что следует в качестве основного положения данной статьи, есть форма извлечения оппортунистического дохода, т.е. результат перераспределения мирового внутреннего продукта с использованием фактора экономической мощи. При этом экономическая мощь приобретает, или может приобретать, модифицированные формы уже внеэкономического принуждения в геополитике. Инвестициям в глобальные инвестиционных трансграничные мегапроекты, например, в экономический проект Шёлкового пути «Один пояс – один путь», некоторым странам, через которые проходит этот путь, часто нечего противопоставить, даже отчетливо при этом осознавая риски и

неопределенности, которые могут сопутствовать этим инвестициям. Являясь глобальным инвестиционным проектом, тем не менее этот проект есть результат национальной инициативы Китая. Воплощаясь на территориях иных суверенных государств, этот мегапроект не может не затрагивать все стороны, все аспекты национального уклада населения, производственной инфраструктуры, извлечения национальных ресурсов и их использования. Интересы Китая выходят в этом проекте далеко за пределы интересов как национальной территории континентального Китая, так и территорий других государств, сопряженных с этим глобальным проектом. В этом мегапроекте Китай выступает уже не только в качестве экономического доминанта, но и доминирующего игрока, формирующего предпосылки национальной безопасности стран, их финансовую зависимость от донора, а также социокультурные и цивилизационные аспекты существования самого государства и народов, населяющих эти страны.

Однако затрагивая эти предельно чувствительные аспекты национального суверенитета, Китай в этом мегапроекте реализует свои частные, национальные интересы, обеспечивая свою экономику сырьём, создавая рынки сбыта своей продукции, решая проблемы занятости, экологии. И так как позиции государств, через которые проходит этот инвестиционный шёлковый путь часто несоизмеримы с ресурсами и возможностями Китая, определяемыми его экономической мощью, потенциалом «мягкой силы», располагаемыми финансами, то Китай сам уже не только способен противостоять санкционной политике, которую реализует по отношению к нему США, но и сам может осуществлять и противопоставлять свой национальную мощь, национальный потенциал в качестве фактора санкционного давления уже и на США.

Данное обоюдное санкционное противопоставление в геополитике следует относить не только к формам конкурентного противостояния, но и к формам двустороннего оппортунизма, в основе которого лежат уже не только экономические факторы, но и внеэкономические, например, угрозы вооруженного воздействия. Последнее уже невозможно отрицать по результатам противостояния двух стран в отношении Тайваня. В плане геополитики Китай уже открыто противодействует политике США, а также и политике коллективного Запада в тех регионах мира, где его интересы соприкасаются с интересами коллективного Запада. Однако политика США по отношению Китая однозначно преследует цель сдерживания развития Китая, стремясь одновременно ограничить его влияние в мире. [5, 6, 7]

Можно сделать вывод о том, что реализация глобального мегапроекта «Один пояс -- один путь» позволит приобрести большие конкурентные преимущества Китаю в отношении

экономик сопряженных с проектом стран. Китай обречен на доминирование уже не только в мировой экономике, но и геополитике, что не может не нести риски и неопределенности для суверенных государств. Экспансионистский доход по этому основанию уже можно отнести к доходу оппортунистическому, природа которого лежит к рентной специфике, в основе которой экономическая мощь. Одновременно следует понимать, что и для сопряженных с проектом «Один пояс – один путь» стран его реализация может стать экономическим благом. Проблема будет лежать в сфере справедливого соотношения предоставленных национальных ресурсах и получаемых экономических выгод от этого сотрудничества неравномошных экономик. Следовательно, в геополитике этот проект может одновременно нести признаки национального эгоизма Китая, так и глобального альтруизма по отношению к сопряженным с проектом странам. Проблема будет лежать в соотнесенных пропорциях и последствиях полученных результатов.

Инструментами и механизмами мировой экспансии глобальных игроков становится скоординированная политика, реализуемая наиболее мощными игроками по отношению к рядовым акторам сообщества, в том числе формы грубого насилия, военных интервенций, захвата капиталов, аресты имущества, наконец, реализации политики санкций по отношению к иным членам интегрального сообщества. Последнее можно видеть уже в конечном отрицательном итоге в отношении государств со слабой, неконкурентной экономикой, несмотря на то, что эти процессы всегда прикрыты декларациями о экономической свободе, о свободе рынка, свободе перемещения капитала, рабочей силы, технологий и т.д. Мировые войны, как отмечает М.Г. Делягин, были вызваны столкновением в результате захвата новых рынков. [8, с.305] Однако определенной новацией современной эпохи можно отнести и то, что уже чисто экономические факторы в жестком противостоянии как в краткосрочном периоде, так и в долгосрочном, замещаются стремлением к уничтожению противника-конкурента на едином жизненном пространстве. Цели будущего доминируют уже над status quo. Эфемерная модель будущего мирового господства начинает доминировать в умах, идеях властных мировых элит над настоящим.

Доминирующие игроки на мировых финансовых, товарных рынках в рамках созданных глобальных организаций, как показывает современная практика и экономическая история, обладают большей экономической, политической мощью в создании режимов, которые в большей мере способствовали их частным, национальным эгоистическим интересам. При этом интересы крупных транснациональных корпораций фактически принимались и отождествлялись с национальными интересами. Следовательно, господство рыночных пропорций при обмене товарами и услугами, сформировавшимся в условиях

свободной конкуренции, были замещены, модифицированы интересами частных мощных транснациональных экономических корпораций. Возможности интегрального экономического образования стали служить узкокорыстным интересам крупных игроков на рынках. По сути, обмен товарами и услугами на мировых товарных рынках в глобальной экономике приобретает формы обмена не по стоимости, а по соотношению мощи контрагентов. Последнее явление уже следует отнести к проявлению экономического, политического оппортунизма. Барьерами в этой модели обмена товарами и услугами на мировых товарных, финансовых рынках становятся навязанные конкурентам политика санкций, запретов, таможенных квот, что несет в себе пряные ограничения на ранее принятые и согласованные условия взаимоотношений в границах глобальных интегральных объединений.

Следует сделать вывод о том, что сама интеграция и её высшая форма глобализация не является целью самой по себе, как отмечает В. Молле. [9] Однако этот процесс следует рассматривать как средство достижения более глубоких, скрытых, не декларируемых открыто целей, которые лежат в сфере как экономики, так и политики – устранения конкуренции и получение экономического и политического доминирования при производстве и распределении мирового продукта.

Общеизвестно, что торговля в результате интеграции формируется как единое целое посредством устранения экономических барьеров, что в конечном счете приводит к повышению эффективности и одновременно к усилению конкурентности. Одновременно известны мнения, что реальность такова, что в результате введения экономических санкций на мировых товарных рынках уже не наблюдается повышения эффективности функционирования национальных экономик. Например, газ, поставляемый на европейский газовый рынок, находится в начальных производственных цепочках при производстве электроэнергии, тепла, продуктов нефтехимии, удобрений, транспортной инфраструктуры и др. Здесь уже экономическая реальность приводит к принципиально иным экономическим и политическим последствиям. Оппортунизм, реализуемый на газовых рынках формирует предпосылки банкротства предприятий в странах Европейского союза, что можно рассматривать в качестве скрытых целей в геополитике США, ибо эта политика санкций по отношению к предприятиям России, косвенно устраняет европейских конкурентов. Можно сделать вывод, что оппортунизм США по отношению к членам государств-членам ВТО не только вызвал турбулентность самого рынка, но и привел к потере конкурентных преимуществ европейской экономики по отношению к экономике США.

Следовательно, углубление региональной интеграции, как и глобализации мировой экономической системы несет в себе риски в результате реализации оппортунистической политики, реализуемой наиболее мощными в экономическом отношении государствами. Последние события первой половины 2022 года вообще поставили под сомнение получение Россией экономических преференций от её включенности в проекты углубленного стратегического сотрудничества с Европейским союзом при проводимой экономической политике США и стран Европейского союза к России. Положительные итоги глобализации распределяются не равномерно среди участников, ибо выигрывают более сильные в экономическом, военном, ресурсном, информационном отношении страны. Эти страны формируют большие сравнительные преимущества. В результате различия в уровнях доходов, уровнях развития производительных сил между доминирующими на глобальных рынках странами и стран развивающегося мира только нарастает, а не сокращается.

По некоторым исследованиям пятая часть мирового сообщества контролирует 80 % всех ресурсов, при этом последние не обязательно лежат на их национальной территории. Страны золотого миллиарда распоряжаются 84,7 % мирового продукта, на них приходится 84,2 % мировой торговли и 85,5 сбережений на внутренних счетах. [10, с. 52]

Следовательно, выводы экономистов о преимуществах, рисках глобализации не следует рассматривать как истины, которые даны на длительную перспективу. Следует принимать более выверенную концепцию методологического подхода, что в условиях турбулентности мировых товарных рынков имеет право на существование модели исследования на принципах получения результатов с позиции времени, т.е. *sub specie temporis*, и никогда с позиции вечности (*sub specie aeternitatis*). Последствия реализации оппортунистической политики может быть объяснено, если одновременно следовать и принципу пользы модели, которую реализуют крупных игроки, субъекты по отношению к акторам, т.е. (*sub specie utilitaris*).

Этот методологический подход доминирующих субъектов на мировых товарных рынках в своих крайних формах позволяет понять корни оппортунизма по отношению к акторам, когда последние не получают своих заработанных доходов.

Как нам представляется, следование этим исходным методологическим посылкам позволит, с одной стороны, избежать ошибок, как переоценки, так и недооценки специфических и вневременных критериев. Для этого принцип пользы, полезности мы также должны рассмотреть под особым углом зрения реализации как для общества в целом, так и для отдельных групп населения, не отбрасывая и классовый подход в оценке этого важнейшего института, т.е. с позиции (*Sub sua propria specie*).

Заключение. Следует преодолеть некоторое «устричное» видение проблем, которые приносит санкционная политика на мировых товарных рынках, её последствия на экономическое окружение тех стран, которые реализуют практически оппортунистические модели взаимоотношений в торговле. Анализируя поведение глобальных игроков в геополитике следует рассматривать эти проблемы в комплексе. В политике экономических санкций, которые в последние годы из случайных событий трансформировались в норму поведения доминирующих на глобальных рынках субъектов, если далее использовать терминологию Г. Лейбница, сама природа и необходимость реализации политики санкций есть «постоянное живое зеркало субстанции» – противоречивого бытия в мировом глобализирующемся пространстве. Санкции есть форма извлечения оппортунистического дохода доминирующих игроков на мировых товарных рынках, есть «зеркало» усиления конкуренции за мировое влияние, есть фактор извлечения как экономических, так и внеэкономических преимуществ в мировой торговле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Европейская интеграция: учебник / под ред. О.В. Буториной. М.: Издательский дом «Деловая литература», 2011. 720с.
2. Глухов В.В., Останин В.А., Рожков Ю.В. Оппортунизм современной геофинансовой политики // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2014. № 4-5(72-73). С.4-15.
3. Останин В.А. Философия присвоения. Монография. Издательство ВФ РГА, Владивосток. 2012. 312с.
4. Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS, № 5, 1994.
5. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи. (Аналитический доклад). М.: Научный эксперт. 2016. 130с.
6. Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Китайский глобальный проект для Евразии // Выпуск 6, том 9, 2016.
7. Виноградов С. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы, Том 19, № 2 (65), сс.1-15.
8. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: М.: ИНФРА-М, 2003. 768с.
9. Molle W. 2006. The Economics of European Integration. Theory, Practice, Policy. Aldershot, Ashgate. 548p. //

https://www.researchgate.net/publication/333209503_The_economics_of_European_int_egration_Theory_practice_policy

10. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию/ Пер. с нем. — М.: Издательский дом «АЛЬПИНА», 2016, С. 52—53.

Для цитирования: Останин В.А. Санкционная геополитика как проявление оппортунизма // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 7 (Ч.1.). С.131-137.